

*Владимир Шалак*¹

О ПРОБЛЕМЕ АДЕКВАТНОГО ПЕРЕВОДА ЛОГИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ АРИСТОТЕЛЯ

Аннотация. В работе анализируются различные переводы всего одного предложения из первой главы «Первой аналитики» Аристотеля. В этом предложении говорится о том, как следует понимать отношение субъекта и предиката в категорических атрибутивных суждениях. Рассматриваются переводы, выполненные Н. Н. Ланге, Б. А. Фохтом, З. Н. Микеладзе, А. С. Ахмановым, В. В. Воробьевым, А. Дженкинсоном и М. Дафермосом. Посредством анализа и логической реконструкции показано, что в одних переводах отношение субъекта и предиката трактуется интенционально, как отношение между множествами присущих им признаков, а в других — экстенционально, как отношение между объемами терминов. Интенциональная трактовка должна быть признана неадекватной аристотелевскому изложению силлогистики, поскольку уже при рассмотрении первой фигуры силлогизмов он явным образом говорит об отношении между объемами, а не содержаниями терминов.

Ключевые слова: Аристотель, перевод, суждение, субъект, предикат, отношение.

Vladimir Shalack

ON THE PROBLEM OF ADEQUATE TRANSLATION OF ARISTOTLE'S LOGICAL WORKS

Abstract. In the paper we analyze various translations of just one sentence from the first chapter of Aristotle's *Prior Analytics*. This sentence is about how we should understand the relationship between subject and predicate in categorical attributive judgments. We consider translations made by N. N. Lange, B. A. Fokht, Z. N. Mikeladze, A. S. Akhmanov, V. V. Vorobyov, A. Jenkinson and M. Dafermos. By means of analysis and logical reconstruction it is shown that in some translations the relationship between the subject and the predicate is interpreted intensionally, as a relationship between sets of attributes, and in others, extensionally, as a relationship between the extension sets of terms. The intensional interpretation must be recognized as inadequate to the Aristotelian exposition of syllogistics, since when considering the first figure of syllogisms, he explicitly speaks of the relationship between the extensions, and not the intensions, of the terms.

Keywords: Aristotle, translation, judgment, subject, predicate, relation.

Для цитирования: Шалак В. И. О проблеме адекватного перевода логических текстов Аристотеля // *Логико-философские штудии*. 2022. Т. 20, № 2. С. 76–88. DOI: 10.52119/LPHS.2022.40.97.005.

¹Шалак Владимир Иванович — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН.

Vladimir Shalack, D.Sc. (philosophy), leading researcher, Institute of Philosophy, RAS.
shalack@mail.ru

Введение

Обучаясь на философском факультете МГУ, я неоднократно слышал от преподавателей и старших коллег, что мы неправильно понимаем силлогистику Аристотеля, так как он понимал атрибутивные категорические суждения не как отношения между объемами субъекта и предиката, а в терминах присущности предиката субъекту, и потому современная формализация силлогистики опирается на интерпретацию суждений, не адекватную аристотелевской.

Могу предположить, что данная точка зрения утвердилась благодаря известной книге Я. Лукасевича «Аристотелевская силлогистика с точки зрения современной формальной логики» (Лукасевич 2000), первый параграф первой главы которой озаглавлен «Истинная форма аристотелевского силлогизма», и в нем можно найти следующие слова:

Формулируя силлогизмы с помощью букв, Аристотель всюду ставит предикат на первое место, а субъект — на второе. Он нигде не говорит «Всякое B есть A », а употребляет вместо этого выражение « A высказывается обо всяком B » или, чаще, « A присуще всякому B » (Лукасевич 2000: 35–36).

Если обратиться к тексту «Первой аналитики», то, действительно, формулируя силлогизмы, Аристотель говорит « A присуще всякому B » или « A сказывается обо всех B », но в четвертой главе, где вводится первая фигура силлогизма, Аристотель определяет ее в терминах отношений между объемами:

Итак, если три термина так относятся между собой, что последний термин целиком содержится в среднем, а средний целиком содержится в первом или вовсе не содержится в нем, то для этих крайних терминов необходимо имеется совершенный силлогизм (Аристотель 1978, «Первая аналитика», кн. I, гл. 4, 25b31–34).

Чтобы понять, почему такое определение в устах Аристотеля закономерно, достаточно обратиться к первой главе, где вводятся основные понятия и в самом конце которой он пишет:

«Одно целиком содержится в другом» означает то же, что «другое сказывается о первом» (Аристотель 1978, «Первая аналитика», кн. I, гл. 1, 24b26–27).

То есть Аристотель понимал выражения « A присуще B » и « B содержится в A » как синонимические и для изложения силлогистики всего лишь выбрал один из двух вариантов. Но это ни в коем случае не означает, что «истинной» формой силлогизмов у Аристотеля является именно формулировка в терминах присущности, а не отношения между объемами. Отсюда следует, что современная экстенсиональная интерпретация суждений вполне согласуется с аристотелевской.

Чтобы подтвердить правильность данного заключения, осталось обратиться к другим изданным переводам Аналитик на русский язык. И вот здесь мы сталкиваемся с неожиданной проблемой. Оказывается, что разные переводы не согласуются друг с другом. В одних переводах отношение между субъектом и предикатом трактуется интенционально, а в других — экстенционально. Это действительно проблема, так как от ее решения зависит адекватность нашего понимания логических трудов Аристотеля.

Переводы

Первый перевод (Аристотель 1894) был сделан Н. Н. Ланге (1858–1921), психологом и последователем русского философа М. И. Владиславлева.

Второй перевод (Аристотель 1952) принадлежит Б. А. Фохту (1875–1946), был выполнен в 1930-х, а издан в 1952 г.

Третий вариант перевода (Аристотель 1978) был издан в 1978 г. и представляет собой тот же перевод Фохта, но заново сверенный З. Н. Микеладзе с греческим текстом.

На интересующий нас и приведенный выше фрагмент (Аристотель 1978, «Первая аналитика», кн. I, гл. 1, 24b26–27), но в собственном переводе, ссылается А. С. Ахманов в известной книге (Ахманов 2002), которую иногда рекомендуют для общего ознакомления с логическим учением Аристотеля.

Перевод и подстрочник

В древнегреческом оригинале спорный фрагмент выглядит следующим образом:

τὸ δὲ ἐν ὅλῳ εἶναι ἕτερον ἐτέρῳ καὶ τὸ κατὰ παντὸς κατηγορεῖσθαι θατέρου θάτερον αὐτόν ἐστιν (Аристотель б. г.: 24b).

Чтобы оценить сложность связного перевода этого предложения на русский язык, приведу его подстрочный перевод, сделанный моим добрым знакомым Манолисом Дафермосом, греком по национальности, в настоящее время профессором эпистемологии университета на острове Крит, при этом прекрасно знающим русский язык, поскольку в свое время он окончил философский факультет МГУ.

τὸ	артиклъ для сущ. ср. р.
δὲ	особое слово, указывающее на наличие первого субъекта
ἐν	в
ὅλῳ	целое, всё
εἶναι	есть, 3 л. ед. ч.
ἕτερον	одно
ἑτέρῳ	другое
καὶ	и
τὸ	артиклъ ср. р.
κατὰ	в, к
παντὸς	(в) целом, (ко) всему
κατηγορεῖσθαι	сказывается
θατέρου θάτερον	и то, и другое; и та, и другая часть
ταυτόν ἐστιν	есть, равно

Очевидно, что перевод даже одного этого предложения не является механической задачей и вынуждает переводчика, опираясь на собственное понимание предмета, домысливать то, что хотел сказать Аристотель.

Соглашение об обозначениях

Введем некоторые обозначения, чтобы с их помощью эксплицировать и сравнивать разные переводы.

1. Термины — это выражения языка, субъект и предикат предложения, которые символически будем обозначать посредством S и P .
2. Совокупности предметов, которые представлены терминами, их объемы, будем обозначать посредством $|S|$ и $|P|$.
3. Содержания терминов, связанные с ними множества признаков, будем обозначать посредством $\{S\}$ и $\{P\}$.
4. Множества признаков, которые связаны с отдельными предметами x , будем обозначать посредством $\{x\}$.
5. Для обозначения присущности предиката P предмету x будем использовать запись $P(x)$.
6. Также мы будем использовать стандартные метаязыковые обозначения $x \in M$, $M \subseteq N$, \forall , \exists , $\&$, \Rightarrow , \Leftrightarrow , \neg .

Ланге

В переводе Ланге интересующий нас фрагмент выглядит следующим образом:

Выражение « $[B]$ находится во всяком $[A]$ » и выражение « $[B]$ утверждается за всеми $[A]$ » — тождественны (Аристотель 1894: 3).

Заметим, что $[A]$ и $[B]$ — это вставки самого Ланге, так как в оригинале Аристотель использует местоимения, а не буквенные обозначения.

Поскольку то, что «утверждаться за всеми...», может быть лишь предикатом, $[B]$ — это предикат суждения, который традиционно обозначим как P , а $[A]$ — субъект суждения, который обозначим S . Совершив замену, получим:

Выражение « P находится во всяком S » и выражение « P утверждается за всеми S » — тождественны.

В символьной записи перевод примет следующий вид:

$$\forall x(x \in |S| \Rightarrow \{P\} \subseteq \{x\}) \Leftrightarrow \forall x(x \in |S| \Rightarrow P(x))$$

Предлагаемое понимание присущности предиката субъекту является интенциональным, так как объявляется равносильным тому, что содержание предиката включено в множество признаков каждого элемента объема субъекта.

Фохт

Обратимся к переводу Фохта.

(Выражения) «нечто одно целиком содержится в другом» и «нечто одно приписывается всему другому» означают одно и то же (Аристотель 1952: 11).

Поскольку «приписываться» может лишь предикат предложения, «нечто одно» обозначим P , а то, чему он приписывается, — «другое» — обозначим посредством S . После замены получим:

(Выражения) « P целиком содержится в S » и « P приписывается всему S » означают одно и то же.

Как видим, в переводе Фохта утверждается близкое к тому, что утверждается в переводе Ланге, но есть небольшое отличие. Там, где Ланге переводит « P находится во всяком S », Фохт переводит « P целиком содержится в S ». Поскольку объем предиката всегда включает в себя объем субъекта, перевод Фохта можно эксплицировать лишь интенционально, как отношение между содержаниями терминов, т. е. $\{P\} \subseteq \{S\}$. Таким образом, в символьной записи перевод будет выглядеть следующим образом:

$$\{P\} \subseteq \{S\} \Leftrightarrow \forall x(x \in |S| \Rightarrow P(x))$$

Если естественным образом определить $\{S\}$ как множество признаков, принадлежащих одновременно всем $\{x\}$ для $x \in |S|$, т. е. $\{S\} = \{Q : \forall x(x \in |S| \Rightarrow Q \in \{x\})\}$, то левые части переводов Ланге $\forall x(x \in |S| \Rightarrow \{P\} \subseteq \{x\})$ и Фохта $\{P\} \subseteq \{S\}$ будут эквивалентны. Это позволяет заключить, что логические отличия переводов Ланге и Фохта несущественны.

Такое понимание отношений между субъектом и предикатом соответствует интенциональной интерпретации общеутвердительных категорических суждений, проанализированной в работах В. И. Маркина (Маркин 2001; Бочаров, Маркин 2010: 305).

Ахманов

Ахманов не оставил перевода «Аналитик» Аристотеля, но его точка зрения на обсуждаемый фрагмент также представляет для нас определенный интерес.

Часто вместо «присуще» Аристотель пользуется выражением «сказывается» (*κατηγορεῖται*). При этом в 1 главе I книги «Первой аналитики» он указывает, что выражение «одноказывается о всяком другом» равносильно выражению «одно содержится» или «есть» в другом как целом. «Если говорят, что одно содержится (есть) в другом целом или что оноказывается о всяком другом, то это равнозначные выражения» (Ахманов 2002: 188).

В переводе Ахманова « P содержится в S » и « P казывается о всяком S » — равнозначные выражения, как и у Фохта.

Далее Ахманов замечает некоторое смысловое несоответствие данного перевода дальнейшему тексту «Аналитик».

Если выражения «быть присущим» и «сказываться» бесспорно означают содержательное (интенсивное), а не объемное (экстенсивное) истолкование посылок, то выражение «содержаться в» (быть в другом) иногда означает и объемные отношения, что видно из 4 главы I книги «Первой аналитики», в которой начинается исследование первой фигуры силлогизма: «Если три термина так относятся друг к другу, что последний термин содержится в среднем в целом и средний содержится или не содержится в целом в первом, то для этих крайних (терминов) необходимо возникает совершенный силлогизм. Средним (термином) я называю (тот), который сам содержится в одном, в то время как в нем содержится другой, и который по положению оказывается средним. Крайними я называю тот, который содержится в другом, и тот, в котором содержится другой». Несомненно, что, если это место не испорчено, выражение «содержаться в» имеет смысл включения объема меньшего термина в объем среднего и включения или исключения всего объема среднего в

объем или из объема большего. В интенсивном же (содержательном) отношении терминов это означает, что содержание большего термина присуще или не присуще всему среднему, а средний термин присущ меньшему. Если бы в приведенном отрывке выражение «содержится в» имело смысл отношения интенсивного, т. е. было бы равнозначным выражениям «присуще» и «сказывается», и если бы смысл приведенного отрывка состоял в том, что больший термин присущ или не присущ меньшему, как это ошибочно полагает Ланге в своем переводе «Первой аналитики», то в таком случае приведенный отрывок был бы схемой мнимого силлогизма первой фигуры, в котором меньшая посылка оказалась бы отрицательной» (Ахманов 2002: 189).

Обнаружив невозможность адекватно перевести 4 главу, Ахманов объясняет это тем, что якобы иногда выражение «содержится в» означает объемное, а иногда содержательное, интенциональное отношение между предикатом и субъектом суждения.

Микеладзе

Заново сверенный с греческим текстом и отредактированный З. Н. Микеладзе перевод уже был приведен в самом начале статьи, но для удобства чтения мы его воспроизведем:

«Одно целиком содержится в другом» означает то же, что «другое сказывается о первом» (Аристотель 1978, «Первая аналитика», кн. I, гл. 1, 24b26–27).

Приведем его к виду, удобному для сравнения с предыдущими переводами. Поскольку «сказываться о» может лишь предикат, то слово «другое» соответствует предикату суждения, который обозначим посредством P , а слова «одно» и «первое» соответствуют субъекту суждения, который обозначим как S . В результате замен получаем:

« S целиком содержится в P » означает то же, что « P сказывается об S ».

В символьной записи перевод будет выглядеть следующим образом:

$$|S| \subseteq |P| \Leftrightarrow \forall x(x \in |S| \Rightarrow P(x))$$

Несоответствие данного перевода трем предыдущим очевидно. Там, где Ланге переводит « P находится во всяком S », а Фохт и Ахманов — « P содержится в S », Микеладзе меняет субъект и предикат местами и переводит « S целиком содержится в P », что соответствует экстенциональному включению объема субъекта в объем предиката.

В примечании к данному фрагменту Микеладзе специально подчеркивает:

В «Аналитиках» выражения «А присуще Б», «А сказывается о Б», «А говорится о Б», «Б есть А», «Б содержится в А», «Б принадлежит А», «Б подчинено А» употребляются Аристотелем как синонимичные (Аристотель 1978: 620).

Воробьев

Чтобы как-то разрешить обнаруженные разногласия, я решил обратиться к коллеге по логическому цеху В. В. Воробьеву, занимающемуся историей логики и знающему древнегреческий язык, с просьбой еще раз перевести этот фрагмент с языка оригинала на русский, но максимально приближенно к оригиналу. В личной переписке он прислал мне такой перевод:

Выражение «одно целиком находится [есть] в другом» и «другое высказывается [утверждается] обо всем одном» значит [есть] то же самое.

Поскольку «другое высказывается [утверждается] обо всем одном», то слово «одно» следует заменить на S , а слово «другое» — на P . В результате получаем:

Выражение « S целиком находится [есть] в P » и « P высказывается [утверждается] обо всем S » значит [есть] то же самое.

В символьной записи:

$$|S| \subseteq |P| \Leftrightarrow \forall x(x \in |S| \Rightarrow P(x))$$

Как видим, перевод Воробьева находится в полном согласии с переводом Микеладзе.

Англоязычный перевод

По доброй старой традиции попробуем учесть мнения зарубежных ученых, обратившись к переводу А. Дженкинсона, сделанному еще в 1928 г., но чаще всего используемому для ссылок в современной англоязычной литературе.

That one term should be included in another as in a whole is the same as for the other to be predicated of all of the first (Aristotle 1928: 24).

Очевидно, что мы должны слова «one term» и «the first» заменить на S , а слова «another» и «the other» заменить на P .

That S should be included in P as in a whole is the same as for P to be predicated of all of S .

В символьной записи получаем:

$$|S| \subseteq |P| \Leftrightarrow \forall x(x \in |S| \Rightarrow P(x))$$

Таким образом, англоязычные коллеги также трактуют отношение между субъектом и предикатом экстенционально.

Дафермос

В столь спорной ситуации, когда три переводчика приписывают Аристотелю интенциональную интерпретацию суждений, а три — экстенциональную, я решил обратиться за помощью к Манолису Дафермосу, о котором уже упоминал выше.

Стремясь никоим образом не навязать ему какую-либо точку зрения, в письме я был предельно лаконичен. Без ссылок на оригинал привел текст самого предложения на древнегреческом языке и попросил об услуге:

Проблема: в разных переводах Аристотеля на русский язык это предложение в смысловом плане переводится по-разному, вплоть до противоречия друг другу.

Задача: дать подстрочный перевод предложения. В завершение можно дать свой связный перевод всего предложения.

Через некоторое время мною был получен ответ:

Синтаксис древнегреческого отличается от синтаксиса современного греческого. В данном случае, предложение состоит из двух разных предложений, знак смыслового равенства между которыми стоит в конце, в связи с чем может возникнуть смысловая сложность.

Без моей подсказки он сам определил, к какому месту сочинений Аристотеля относится данное предложение:

В русском издании «Аристотель. Соч. в 4-х тт.», т. 2, М., 1978, на стр. 120 перевод дан правильно: «Одно целиком содержится в другом» означает то же, что «другое сказывается обо всём первом».

Затем был дан подстрочный перевод, приведенный в начале статьи. В конце письма Дафермос предложил свой связный перевод интересующего меня предложения:

Если одно полностью включается в другое, то это есть то же самое, что сказанное о втором полностью сказывается о первом.

Этот перевод, с одной стороны, подкрепляет экстенциональную точку зрения Дженкинсона, Микеладзе и Воробьева, но с другой точки зрения, является четвертым (!) вариантом перевода, поскольку он содержит уточнение отношения «сказываться», «присущности» между общими терминами: «сказанное о втором полностью сказывается о первом», как говорилось в полученном письме, отличается по смыслу от «другое сказывается обо всем первом» в переводе Микеладзе.

Если записать в логических символах, то Дафермос предложил следующее понимание отношения между субъектом и предикатом:

$$|S| \subseteq |P| \Leftrightarrow \forall Q[\forall x(x \in |P| \Rightarrow Q(x)) \Rightarrow \forall x(x \in |S| \Rightarrow Q(x))]$$

Это меня несколько смутило, и я написал еще одно письмо, в котором задал следующий вопрос:

У меня возник уточняющий вопрос, насколько ты уверен в правильности такого перевода? Дело в том, что слово «сказывается» фигурирует в подстрочнике всего один раз, а у тебя в переводе есть слова «сказанное о втором» и «сказывается о первом». Насколько корректно так переводить? Я нисколько не сомневаюсь в твоём переводе, но мне бы хотелось услышать дополнительные аргументы.

В ответном письме он написал, что поддержал перевод Микеладзе как наиболее близкий к оригиналу, но предлагает другой уточненный вариант, поскольку призвал на помощь перевод «Первой аналитики» на новогреческий язык. Его перевод — это перевод данной фразы с новогреческого языка на русский при обязательной оглядке на фразу на древнегреческом. В правильности своего перевода с новогреческого он не сомневается. Перевод Микеладзе с древнегреческого ближе к дословному, но тем самым не улавливается определенная сторона дела, для выражения которой требуется трансформация структуры предложения. Древнегреческий язык очень сжатый и перевод требует определенного разворачивания, что и сделано на новогреческом. Да, на древнегреческом слово «сказанное» было употреблено один раз, но в новогреческом его просто с необходимостью нужно было употребить дважды, чтобы донести смысл. Поэтому подстрочный перевод с древнегреческого на русский, с его точки зрения, был некорректен. По его мнению, лучше всех перевел Микеладзе, который перевел правильно и в то же время неточно, потому что не раскрыл полностью структуру предложения.

В. И. Маркин обратил мое внимание на то, что перевод Дафермоса замечателен тем, что не требует принятия так называемой «аксиомы силлогизма», гласящей, что *признак признака есть признак самой вещи* (Кант 1994а: 26).

Эта аксиома совершенно неудовлетворительна с точки зрения современной логики, так как если вещь — объект нулевого порядка, то признак вещи — это предикат первого порядка, а признак признака — предикат второго порядка, который не может быть применен к вещи, ибо тем самым будет нарушена иерархия типов.

С другой стороны, эта аксиома всего лишь другая форма выражения модуса *Barbara* первой фигуры силлогизмов. Вспомним, что в терминах присущности признаков этот модус выглядит следующим образом: *Если P присуще M и M присуще S, то P присуще S*. Налицо нарушение иерархии типов. Чтобы этого

не случилось, можно попробовать его слегка переформулировать: *Если P присуще всем M и M присуще всем S , то P присуще всем S* . Но и в этом виде мы нарушаем одно из правил силлогизма, требующее, чтобы в силлогизме было три термина, а в этом случае их четыре, так как термин M в первой посылке взят в смысле объема, а во второй — в смысле признака. Это становится очевидным, если прибегнуть к записи на языке логики предикатов с учетом ранее принятых соглашений:

$$\forall x(x \in |M| \Rightarrow P(x)) \ \& \ \forall x(x \in |S| \Rightarrow M(x)) \Rightarrow \forall x(x \in |S| \Rightarrow P(x))$$

Перевод Дафермоса эту проблему решает, поскольку

$$\begin{aligned} \forall Q[\forall x(x \in |P| \Rightarrow Q(x)) \Rightarrow \forall x(x \in |M| \Rightarrow Q(x))] \ \& \\ \forall Q[\forall x(x \in |M| \Rightarrow Q(x)) \Rightarrow \forall x(x \in |S| \Rightarrow Q(x))] \Rightarrow \\ \forall Q[\forall x(x \in |P| \Rightarrow Q(x)) \Rightarrow \forall x(x \in |S| \Rightarrow Q(x))] \end{aligned}$$

является теоремой.

Заключение

В итоге мы имеем четыре варианта перевода одного и того же предложения.

1. Ланге: $\forall x(x \in |S| \Rightarrow \{P\} \subseteq \{x\}) \Leftrightarrow \forall x(x \in |S| \Rightarrow P(x))$
2. Фохт, Ахманов: $\{P\} \subseteq \{S\} \Leftrightarrow \forall x(x \in |S| \Rightarrow P(x))$
3. Микеладзе, Воробьев, Дженкинсон: $|S| \subseteq |P| \Leftrightarrow \forall x(x \in |S| \Rightarrow P(x))$
4. Дафермос: $|S| \subseteq |P| \Leftrightarrow \forall Q[\forall x(x \in |P| \Rightarrow Q(x)) \Rightarrow \forall x(x \in |S| \Rightarrow Q(x))]$

Из плюсов в пользу переводов Ланге, Фохта и Ахманова можно было бы назвать лишь то, что все трое перевели этот фрагмент почти одинаково. Отличие заключается лишь в том, что Ланге понимает приписывание предиката субъекту как включение его содержания в содержание каждого элемента объема субъекта, а Фохт и Ахманов — как включение его содержания в общее содержание субъекта.

Минусов гораздо больше.

Если считать, что, согласно Аристотелю, « P содержится в S » и « P сказывается об S » равнозначные выражения, то при переводе четвертой главы возникают проблемы. Этого не отрицают все три переводчика. В примечаниях к ней Ланге пишет: «Это определение первой фигуры, следовательно, значит: „если меньший термин заключен (как подлежащее) в объем среднего (как сказуемого), а средний — в объем большего, то“ и т. д.» (Аристотель 1894: 7). Фохт более лаконичен в примечаниях и после фразы «целиком содержится в среднем» (Аристотель 1952: 14) делает ссылку, в которой предлагает понимать фразу как «входит в объем среднего термина» (Аристотель 1952: 293). Как мы уже видели ранее, Ахманов

также подтверждает экстенциональное понимание, но не находит ничего лучшего, чем упрекнуть Аристотеля в неоднозначности употребления терминов, вместо того чтобы усомниться в правильности собственного перевода.

Причины неоднозначности переводов трудов Аристотеля объяснены в предисловии к Фохту: «...стиль „Аналитик“ имеет особенности, ставящие переводчика перед большими трудностями. Аристотель излагает мысли исключительно лаконично: сплошь и рядом отсутствуют подлежащее, сказуемое и т. п.» (Аристотель 1952: 6). Очевидно, что в такой ситуации переводчик вынужден, исходя из собственного понимания предмета, додумывать то, что мог сказать Аристотель. Именно здесь и возможны искажения.

Точка зрения Дженкинсона, Микеладзе и Воробьева более последовательна. Как мы видели выше в подстрочном переводе, в оригинале нет четкого указания на субъект и предикат, Аристотель не использует для них буквенных обозначений, как делает в дальнейшем тексте, формулируя фигуры силлогизмов, а вместо этого использует указательные местоимения, которые допускают неоднозначность понимания. Там, где в первых трех переводах стоит «*P* находится во всяком *S*» или «*P* содержится в *S*», в последних трех стоит «*S* целиком содержится в *P*», т. е. субъект и предикат меняются местами. Благодаря этому данное предложение начинает нести важную информацию не только об отношении присущности предиката субъекту, но и об отношении объемов субъекта и предиката, что позволяет избежать трудностей с переводом четвертой и последующих глав.

Возможны по крайней мере два варианта понимания отношения между субъектом и предикатом категорических атрибутивных суждений: экстенциональное и интенциональное. Сегодня наиболее распространенным является экстенциональное как отношение между объемами, но силлогистику можно строить и интенционально на основе отношения между содержаниями терминов, что было продемонстрировано в работах Маркина (Маркин 2001; Бочаров, Маркин 2010). Интенциональное понимание допускали Лейбниц (Лейбниц 1984: 501–502) и Кант (Кант 1994b: 46–47, 156). Именно учение Канта об аналитически истинных общих суждениях могло повлиять на переводы Ланге и Фохта. Они оба были хорошими знатоками философии Канта, читали лекции о ней, Фохта часто называли русским неокантианцем.

В настоящей работе речь идет не о том, какая из двух интерпретаций отношения между терминами является «правильной», а о том, какого понимания придерживался Аристотель в «Аналитиках». Если взвесить все «за» и «против», то предпочтение следует отдать экстенциональному. Перевод Дафермоса содержит интересное уточнение, которое тоже полезно иметь в виду.

На примере поиска адекватного перевода всего одного предложения из логических трудов Аристотеля мы увидели, с какими серьезными трудностями приходится сталкиваться переводчикам. Смотрю на полку с книгами, где стоит собрание сочинений Аристотеля, и невольно задаю себе вопрос, а сколько еще по-

добных неоднозначных предложений можно найти, например, во «Второй аналитике», в «Категориях», «Об истолковании» и других произведениях Стагирита? Действительно ли мы адекватно его понимаем? Перевод «Об истолковании» сделан в 1891 г. Радловым, который был филологом и переводчиком, но не логиком. Возможно, в том числе и поэтому он столь труден для понимания.

Я поступил на философский факультет МГУ в 1979 г. Перевод Микеладзе был издан всего годом ранее в 1978 г. Получается, что мои учителя знакомились с «Аналитиками» по Фохту, изданному в 1952 г., а я — по Микеладзе 1978 года. Но это логически разные переводы, и потому я был обречен говорить с учителями об Аристотеле на разных языках. Становится понятным, почему старшие коллеги были убеждены, что Аристотель понимал суждения не как объемные отношения, а как отношения по содержанию, — потому что так перевел Фохт².

Литература

- Аристотель б. г. — *Αριστοτέλης. Ἀναλυτικῶν προτέρων Α΄*, Βιβλίον Ιον, Κεφάλαιον Ιον. URL: http://www.physics.ntua.gr/~mourmouras/greats/aristoteles/analytika_protera.html (дата обращения: 15.11.2021).
- Аристотель 1894 — *Аристотель*. Первая Аналитика / Н. Н. Ланге. СПб.: Типография В. С. Балашева и Ко. 1894.
- Аристотель 1952 — *Аристотель*. Аналитики Первая и Вторая / пер. Б. А. Фохта. М.: Госполитиздат, 1952.
- Аристотель 1978 — *Аристотель*. Первая Аналитика // Соч. в 4 т. Т. 2 / ред. З. Н. Микеладзе. М.: Мысль, 1978.
- Ахманов 2002 — *Ахманов А. С.* Логическое учение Аристотеля. Изд. 2-е, стереотипное. М.: Едиториал УРСС, 2002.
- Бочаров, Маркин 2010 — *Бочаров В. А., Маркин В. И.* Силлогистические теории. М.: Прогресс-Традиция, 2010.
- Кант 1994а — *Кант И.* Ложное мудрствование в четырех фигурах силлогизма // Сочинения. В 8 т. Т. 2. М.: Чоро, 1994.
- Кант 1994б — *Кант И.* Критика чистого разума // Сочинения. В 8 т. Т. 3. М.: Чоро, 1994.
- Лейбниц 1984 — *Лейбниц Г. В.* Сочинения в четырех томах. Т. 2. М.: Мысль, 1984.
- Лукаевич 2000 — *Лукаевич Я.* Аристотелевская силлогистика с точки зрения современной формальной логики. Биробиджан: ИП «Тривиум», 2000.
- Маркин 2001 — *Маркин В. И.* Интенциональная семантика силлогистика традиционной силлогистики // Логические исследования. Вып. 9. М.: Наука, 2001. С. 82–91.
- Aristotle 1928 — *Aristotle*. *Analytica Priora* / translated by A. J. Jenkinson // *The Works of Aristotle*. Volume I. Oxford: Clarendon Press, 1928. URL: <http://classics.mit.edu/Aristotle/prior.1.i.html> (accessed: 15.11.2021).

²Хочу выразить благодарность коллегам, которые так или иначе помогли мне завершить это исследование, — В. В. Воробьеву, М. Дафермосу, Е. Н. Лисанюк и В. И. Маркину.